

«Русская власть» — генератор «особого исторического пути» России

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

Феномен русской власти, описанный А.И. Фурсовым, — это как бы такой генератор специфического российского исторического развития последних четырех с половиной веков, это ген «особого пути».

Я достаточно неплохо знаком с общественной мыслью и историко-софскими доктринами Беларуси и Украины, хуже — Польши. В них существуют интерпретационные схемы, похожие на концепцию русской власти, предложенную докладчиком. Там тоже речь об особом феномене российской власти, которая стремится к абсолютной монополии и как бы перемалывает общество. Однако есть принципиальное отличие: там присутствует этическая окраска — эти и подобные объяснительные схемы часто рассматриваются не как эвристические, но как снаряды в информационно-идеологической войне против «московских империалистов-азиатов». Нечто подобное, но все же менее эмоциональное и менее ангажированное, иногда можно встретить и в старой англосаксонской советологии (типа Ричарда Пайпса).

Тут же мы имеем дело с этически нейтральным, неэмоциональным и внеидеологичным, отчасти даже позитивистским исследованием.

Разговоры об особом историческом пути России, представления и о том, что Россия — это не Запад и не Восток, а некая самодостаточная реальность, ведутся уже ранними славянофилами (а то и с XVII в., если не считать более ранних

манифестаций личности — «Слова о Законе и Благодати» и других древнерусских памятников). Но и у славянофилов, и даже у евразийцев — это метафоры, ощущения, смутные догадки. У евразийцев было желание опереться на достижения географических наук. Но проверить «алгеброй гармонию» «особого пути» России оказывается возможным только теперь — если пояснить исторический генезис русской власти.

Апологетами лимитрофного дискурса был придуман достаточно ангажированный и политизированный концепт «Центрально-Восточной Европы» — т. е. это как бы Восточная Европа (восточнохристианский цивилизационный ареал), но без России. Есть разные его интерпретации, но идея заложена примерно такая: развитие Великороссии принципиально иное и, несмотря на то что Беларусь, Украина и Молдавия попадают в восточно-христианский цивилизационный ареал, все равно «настоящая» граница — согласно этой концепции — проходит не по цивилизационному кордону, а между Литовским и Московским княжествами. Это приблизительно совпадает и с ареалом распространения Магдебургского права. Но даже внутри Великороссии существует определенное многообразие политической культуры: те же Новгород и Псков — это иные в историко-культурном отношении области, в сравнении с Москвией, не говоря уже о казаках и старообрядцах, которые в концепции «Русской Системы» А.И. Фурсова и Ю.С. Пивоварова называются «лишними людьми».

Из Вашего интересного доклада я получил ответ на один сложный и важный вопрос: почему в средневековой Московской Руси легитимация верховной власти происходила путем уподобления монарха Христу, т. е. монаршее достоинство понималось как христоподобное, чего не было ни в Византии, ни в восточных монархиях, ни в западноевропейских государственных идеологиях. Получается, что автосубъектная власть имеет принципиально иную легитимность, т. е. ее источник и ее обоснование — это Провидение в чистом виде. Отсюда

берет начало и имперская, а потом и советская идеократии. Когда же они вырождаются, наступает очередная Смута.

Сейчас, в постсоветский период, снова идет активный поиск национальной идеи. Судя по всему, национальная идея — это не текст, не идея какая-то, не know-how. Это процесс, это определенный дискурс, определенный поток смыслов и образов, это динамика, а не статика.

В предложенной концепции русской власти предпринята попытка сформировать новый концептуальный аппарат для описания российской политической реальности. Например, в контексте российских реалий становится очевидным, что концепт государства как state неэффективен и не работает, а вот концепция властной корпорации — автосубъектной власти, которая не является государством, которая существует вне права и над государством и природа которой иррациональна, но при этом она не является узурпатором власти в западноевропейском понимании, — вот это, возможно, актуальный концептуальный формат.

В свое время я столкнулся с подобной ситуацией, когда разрабатывал тему философии права в России в начале XX в. Там тоже, с одной стороны, была рецепция западноевропейской (прежде всего, немецкой) философии права, но с другой стороны, самое интересное у Новгородцева, Ильина, Вышеславцева, Н.Н. Алексеева, Е.Н. Трубецкого — это как раз попытка сформировать и сформулировать в российском интеллектуальном контексте, в восточнохристианских цивилизационных координатах некоторые аналоги западноевропейским концептам правового государства, гражданского общества, прав человека, суверенитета и т. п. В какой-то степени у них это получилось. Потом, правда, это все стало неактуальным — с приходом большевиков. Но тот же Иван Ильин вообще не считал СССР государством, потому что Советский Союз, в отличие от государства, существующего на основе права, существует на основе произвола — точнее, на основе автосубъектной воли правящей корпорации.

Мне кажется, попытка сформулировать или обнаружить некий генератор развития российской политической истории, продуктивна еще и тем, что показывает, почему властная корпорация всегда противится созданию гражданского общества. Гражданское общество — это субъектное общество, способное на самоорганизацию и противопоставление себя не только государству, но, прежде всего, властной корпорации. В России проблема с гражданским обществом существует именно потому, что власть его боится, хотя, по идее, должна бы радоваться его появлению. Но она не радуется, а изобретает все новые технологии по его перемалыванию и лишению субъектности — политической, социальной, идейно-интеллектуальной. Скажем, гламурная культура, информационная политика на нынешнем российском телевидении, где присутствует очень жесткий микс гламура и трэша, — это именно формы такой борьбы.

Впрочем, на нынешнем этапе существования России, когда уместно говорить о появлении государства-корпорации, «лишние люди» — это не как в русской классической литературе и не как в концепции «Русской Системы» (казаки, старообрядцы, дворянство, интеллигенция), а порядка 80% населения. Оно лишнее в том смысле, что его существование неоправданно экономически (разумеется, с точки зрения властной корпорации). Ведь для обслуживания газовой трубы, по известной реплике Тэтчер, надо то ли 15, то ли 50 млн человек.

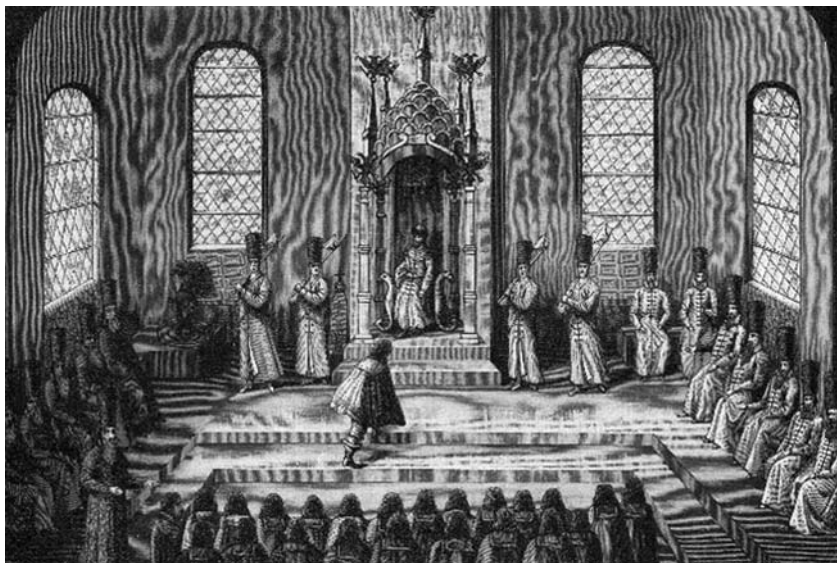
Вот еще интересный вопрос: насколько концепция русской автосубъектной власти актуальна в современной России? Как мне представляется, она очень даже актуальна. Вы говорите, что Путин и Медведев — это уже некий отход от мейнстрима развития российской политической истории. Мне представляется как раз наоборот: в их образах мы видим очень даже логичное продолжение такого мейнстрима. Кстати, интересный вопрос: есть ли разница между государством-корпорацией в России и в других странах? Очень

яркий пример, диаметрально противоположный российскому, — современная Украина, где тоже вроде бы сформировалось государство-корпорация (или корпорация-государство), но там нет феномена автосубъектной власти, а потому нет и сценария «победитель получает все». Там есть то, что Роберт Даль называл полиархией. Там есть три мощных политических клана, между которыми произошел определенный «картельный» сговор в политическом пространстве — это когда трое сговорились о разделе политического рынка и никого «чужого» туда не собираются спускать. Вопрос «быть или не быть?» для них заключается в том, с кем объединиться? Или Тимошенко объединится с Януковичем и уничтожит Ющенко, или Ющенко объединится с любой частью Партии регионов и «закопает» Тимошенко. Ющенко и Тимошенко объединились против Януковича в 2004 г. и прокатали его на выборах. Получается достаточно активная реальная политика; может быть, результаты ее во многом похожи на российские, потому что говорить о том, что есть какое-то развитие — политической системы, экономики, общества, науки, а также что есть развитие смыслов и стратегического целеполагания, что есть продуктивная ротация элит, — не приходится. Получается, что результат и тут — в условиях автосубъектной власти, и там — в условиях полиархии — практически одинаков: стагнация, девиация населения, демодернизация, архаизация жизни.

Мне кажется, что и Путин, и Медведев — достойные продолжатели этой линии, они достаточно адекватно персонифицируют автосубъектную власть, существующую по законам трехчастного цикла правителей (правитель-инноватор, правитель-стабилизатор, правитель-деструктор или неудачливый реформатор). И они подчиняются определенной закономерности, присущей истории России.

Именно Медведев — юрист-цивилист по образованию и типу мышления — заявляет о таких инновациях, которые, как мы видим из истории, подрывали автосубъектную

власть. В частности, Николай II ограничил собственное самодержавие, Горбачев завел разговор о необходимости помещения КПСС в правовое поле и о необходимости создания правового государства. Политический шаг Владимира Путина, отказавшегося от возможности изменения Конституции РФ и баллотирования на третий президентский срок, также следует рассматривать как пример самоограничения власти — его можно поставить в один ряд с указом о престолонаследии Павла I и (1797 г.) и с октябрьским манифестом Николая II (1905 г.). Дмитрий Медведев в соответствии с этим трехчастным циклом может повторить путь Хрущева, Горбачева и Николая II. Это тема, которая должна быть очень внимательно осмыслена. Именно в ней могут скрываться угрозы и предпосылки очередной Смуты.

Неизвестный автор. Боярская дума при Алексее Михайловиче